

По срединѣ поляны стоитъ церковь, небольшая, но почти совершенно уцѣлѣвшая, кромѣ обвалившагося купола; западный ея притворъ заваленъ камнями и заросъ дикими растеніями, какъ и самая вершина церкви; входъ — отъ южнаго притвора, надъ коимъ видѣнъ еще полустертый ликъ Спасителя. Устройство храма совершенно греческое съ тройнымъ раздѣленіемъ алтаря и полукружіемъ горняго мѣста; поразительна тонкость стѣнъ, складенныхъ изъ римскаго кирпича и высота стройныхъ сводовъ, которые опираются на чрезвычайно легкіе столбы; живопись уже стерлась, но на западной стѣнѣ еще видны: Успеніе Богоматери и два мученика“. Построеніе этого древняго храма относятъ къ IV вѣку.

Въ церкви грузинской существуетъ преданіе, что мученическая кончина и мѣсто погребенія св. Апостола Симона Кананита были на томъ мѣстѣ, гдѣ строится Ново-Аеонская обитель; преданіе подтверждается и тѣмъ, что тутъ находится устроенный въ честь его храмъ.

Въ древности было въ обычаѣ на мѣстѣ погребенія мученическихъ мощей созидать св. храмы.

Знаменательно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ было начало проповѣди евангельской, нынѣ устроится обитель, имѣющая цѣлью содѣйствовать возстановленію тамъ христіанства.

(Миссіонеръ 1879 г. № 3).

СОВРЕМЕННЫЕ ОСТАТКИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ОБРЯДОВЪ

И

религіозныхъ вѣрованій у чувашъ (¹).

Несравненно больше, чѣмъ въ праздникахъ и въ представленіяхъ о богахъ, остатки язычества у чувашъ могутъ быть наблюдаемы въ обстоятельствахъ ихъ частной, семейной жизни, въ которую христіанскимъ просвѣтителямъ чрезвычайно труденъ вліятельный доступъ, напр. въ воспитаніи дѣтей, въ отношеніи родителей къ дѣтямъ, а особенно въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ семейной жизни, когда религіозныя пособія особенно необходимы, напр: при рожденіи дѣтей, при свадьбахъ, болѣзняхъ, при похоронахъ. Наконецъ, чувашскія представленія о загробной жизни также представляютъ много оригинальнаго и чрезвычайно интереснаго. Христіанство, какъ религія духа, очень высоко для

(¹) См. № 1-й.

всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкой ступени умственно-нравственнаго развитія, но эсхатологическое христіанское ученіе особенно высоко сравнительно съ грубо-чувственными представленіями чувашей о загробной будущей жизни. Поэтому языческія представленія чувашей о загробной жизни особенно сильно отражаются на всей жизни чувашей, и такъ или иначе онѣ накладываютъ необходимую печать на все религіозное міровоззрѣніе чувашей, — людей въ большинствѣ очень религіозныхъ.

Рожденіе младенца, женитьба—дѣла чисто семейныя, поэтому очень не легко узнать, какими религіозными обрядами сопровождаются у чувашъ эти два важнѣйшія событія жизни. Но благодаря наблюдательности О. А и Я. Г. можно сообщить кое что о религіозныхъ обрядахъ, совершающихся и при этихъ довольно сокровенныхъ событіяхъ.

Тотчасъ же *послѣ рожденія*, или даже, во время самаго рожденія, бывають у чувашъ надъ ребенкомъ *различныя заклинанія* (пишетъ Я. Г.). Бабушка, держа новорожденнаго на рукахъ предъ очагомъ, бросаетъ въ огонь соль, которая отъ дѣйствія огня разсыпается съ трескомъ; потомъ бабушка произноситъ заклинательныя слова надъ злыми духами, кереметями, чтобы они удалились, такъ какъ теперь не ихъ время, говоритъ бабушка, и плюетъ на огонь въ сторону, а ребенка кропитъ вѣнникомъ, приговаривая: „вотъ пришли черезъ горы и моря синеглазые смотрѣть на новорожденнаго, но удалитесь отсюда, здѣсь не ваше мѣсто, а то сглазите ребенка“. „Вотъ пришли изъ за моря великаны, быстроногіе и долгорукіе (люди), но ребенокъ безсиленъ, слабъ, не можетъ съ вами бороться, поэтому скорѣе удалитесь!“ „Вотъ пріѣхали изъ Питера и Москвы бояре, пришли черезъ Волгу безобразныя старушки, колдуньи, чародѣйки; но удалитесь скорѣе и безъ васъ дѣло сдѣлаемъ“. Послѣ этого бабушка, плюнувши на ребенка, чтобы его не сглазили, говоритъ: „синіе глаза, каріе глаза, большіе глаза и малые глаза“. Затѣмъ плюетъ въ глаза его и поднимая говоритъ: „Будь большаго роста и малаго роста! будь сердитъ, храбръ, быстрый!“ и пр. Потомъ бабушка обращается къ нечистымъ духамъ или кереметямъ и говоритъ: „вы теперь не троньте новорожденнаго и его больной матери, а подите въ другое мѣсто, гдѣ васъ не ждуть!“ Затѣмъ обращаясь къ умершимъ, она произноситъ: „вы еще очень рано пришли за новорожденнымъ ребенкомъ, чтобы взять

его къ себѣ, а дайте ему возможность жить, какъ вы нѣкогда жили и веселились, не хватайте его за животъ (чтобы у него животъ не болѣлъ) и за голову (чтобы у него голова не болѣла) и за другіе члены, оставьте его въ покоѣ, не отнимайте у него жизни, а ступайте къ старымъ, хворымъ людямъ, которымъ уже время къ вамъ перейти, а у насъ ребенокъ здоровъ“. Въ это время мать, или какая нибудь старуха, поминая каждаго умершаго по имени, вливаетъ въ нарочно сдѣланную чашку нѣсколько капель вина, или пива, приговаривая: „вотъ тебѣ пиво и вино, ты че тронь нашего ребенка“. Послѣ этого бываетъ моленіе надъ кашей домашнимъ богамъ, чтобы они не вредили всему вообще дому.

Послѣ совершенія надъ младенцемъ *крещенія*, бываетъ еще нѣкоторое новое моленіе. Сначала готовятъ различныя жертвоприношенія. Варятъ достаточно пива, пекутъ маленькія лепешки (юсманы) и затѣмъ, сваривъ кашу, зажигаютъ предъ иконами свѣчи; послѣ этого начинается моленіе. Во всѣхъ моленіяхъ чуваша вообще стоятъ къ востоку. Въ этомъ моленіи они просятъ, чтобы Богъ сохранилъ младенца и далъ бы ему возможность жить благополучно, чтобы далъ ему здоровье и добрую нравственность, чтобы онъ былъ полезнымъ для родителей и т. п.

Воспитаніе дѣтей у чувашъ, какъ у людей мало озаренныхъ свѣтомъ евангельскаго ученія, главнымъ образомъ ведется сообразно съ ихъ вѣрованіями, т. е. въ языческо-религіозномъ духѣ и нравственности. Дѣти воспитываются, большею частію, очень жестоко. Родители требуютъ отъ нихъ самаго безпрекословнаго повиновенія, и въ случаѣ ослушанія бьютъ ихъ жестоко, безъ всякаго сожалѣнія и безъ разбору бьютъ—куда попало; поэтому очень часто дѣти чувашъ растутъ слабо, бываютъ безтолковы, но терпѣливы.

Христіански-религіознаго не сообщается родителями дѣтямъ почти ничего, такъ что иногда взрослые дѣти (лѣтъ семи) едва умѣютъ перекреститься.

При женитьбѣ у чувашъ бываетъ очень много разныхъ религіозныхъ обычаевъ. Сначала ставятъ на столъ нѣсколько ведеръ пива, которое глава семейства разливаетъ въ ковши; предъ иконами зажигаютъ свѣчки и затѣмъ старики, держа въ рукахъ ковши съ пивомъ, молятся Богу. Каждый высказываетъ въ молитвѣ то, что найдетъ нужнымъ сказать. Большею частію въ этомъ моленіи просятъ Бога, чтобы онъ далъ возможность совершить свадьбу благополучно;

при этомъ поминуютъ умершихъ, чтобы они не сдѣлали какого нибудь вреда (¹).

Послѣ окончанія моленія каждый, держащій въ рукѣ ковшъ, выпиваетъ три ковша. Женихъ, положивши три земныхъ поклона и поцѣловавшись съ родителями, садится за столъ, послѣ чего начинаются пѣсни и пляски. Черезъ нѣсколько времени вся молодежь деревни отправляется за невѣстою. По приѣздѣ къ невѣстѣ жениха, опять совершается моленіе такое же, какое было въ домѣ жениха. Родители невѣсты просятъ, чтобы Богъ былъ покровителемъ ея во всѣхъ несчастіяхъ и помощникомъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ; чтобы онъ, благословивши союзъ между нею и женихомъ, далъ имъ хорошую семейную жизнь, чтобы даровалъ имъ дѣтей, которыя, выросши были бы имъ помощниками; чтобы Онъ даровалъ имъ богатство и чтобы они были главами деревни и т. п. Тоже самое повторяется и послѣ вѣнчанія. (Я. Г.). Вѣнчаніе въ церкви совершается, смотря по обстоятельствамъ, иногда до заключенія брака, а иногда и послѣ, уже безъ всякаго пира. Если церковь находится на пути отъ невѣсты къ деревнѣ жениха, то по пути заѣзжаютъ въ церковь для вѣнчанія. Послѣ вѣнчанія или вѣрнѣе отъ невѣсты свадебный поѣздъ заѣзжаетъ къ родственнику жениха, который угощаетъ ихъ и потомъ присоединяется къ ихъ поѣзду. При вѣздѣ новобрачныхъ дружка, встающій на видное мѣсто съ мукою въ берестовой чашечкѣ, обсыпаетъ троекратно всѣхъ пріѣхавшихъ во дворъ, начиная съ новобрачныхъ и оканчивая лошадьми, показывая этимъ, что у новобрачныхъ изобиліе хлѣба должно изливаться на всѣхъ. Потомъ невѣста становится на пелѣгу и происходитъ обрядъ врученія ей власти надъ всѣми животными, принадлежащими жениху. Для этого выводится наилучшая лошадь и женихъ вручаетъ поводъ ея невѣстѣ троекратно, причѣмъ тотъ и другая держатъ поводъ въ полахъ верхней одежды. Затѣмъ невѣста уносится въ домъ жениха, чѣмъ показывается, что она въ этомъ домѣ не чужая, пришедшая откуда нибудь, а своя, потому что не видно никакого слѣда того, что она пришла въ домъ, а есть только слѣдъ ея выхода изъ дома. Въ избѣ моленіе сначала обыч-

(¹) Хозяинъ дома, вставши съ ковшемъ къ двери и, испросивъ у Бога помощь на женитьбу сына или брата, льетъ въ жертву предкамъ нѣсколько капель пива на порогъ, около петель, на которыхъ виситъ дверь.

ное, именно: хозяинъ дома, держа въ рукѣ чашку съ пивомъ, испрашиваетъ у Бога благословеніе на добрую жизнь въ ихъ семьѣ новобрачной, въ заключеніе льетъ въ уголь порога не много пива предкамъ. Потомъ начинаютъ пить пиво всѣ, причемъ болѣе важные гости сразу пьютъ по три ковша, а менѣе важные только по одному. Молодая все это время сидитъ около одного угла, ей позволено плакать только троекратно съ опредѣленными причитаніями. Затѣмъ отцемъ жениха разрѣзывается хлѣбъ на мелкіе кусочки, которые полагаются возлѣ чашки съ медомъ. Отецъ молится надъ всѣмъ этимъ, прося у Бога, чтобы жизнь новобрачныхъ была столь же пріятна, какъ пріятно вкушеніе меда. Затѣмъ изъ хлѣба съ медомъ дѣлаются катушки, которые бросаются на домашній очагъ съ приговариваніемъ: „пустъ новая хозяйка имѣеть такое же важное значеніе, какъ печка“. Бросая хлѣбъ съ медомъ въ другой—передній уголь, хозяинъ говоритъ: „пустъ новобрачная будетъ имѣть зятя въ этомъ углу“, наконецъ, бросая въ уголь ближайшій къ двери, хозяинъ приговариваетъ: „дай Богъ, чтобы здѣсь всѣ голодные были насыщаемы, а всѣ холодные обогрѣваемы“. Потомъ начинаютъ всѣ ѣсть хлѣбъ съ медомъ, высказывая новобрачнымъ пожеланія счастливой жизни. Послѣ этого идетъ пиръ, обыкновенно небольшой, такъ какъ главный брачный пиръ бываетъ у родственника, къ которому прѣзжаютъ непосредственно изъ дома невѣсты. Между тѣмъ какъ идетъ въ избѣ веселье, около печки идетъ приготовленіе и потомъ вареніе салмы молочной (т. е. голушекъ). Когда бываетъ готова салма, отецъ наливаетъ ее и молится по обычаю предъ порогомъ и потомъ съѣдаетъ три ложки освященной салмы и затѣмъ три раза плещетъ ею на новобрачныхъ, стоящихъ въ это время подъ кошмою. Послѣ отца жениха подходятъ къ чашкѣ съ салмою всѣ гости, такъ же съѣдаютъ по три ложки и трижды плещутъ на молодыхъ. Лица всѣхъ бываютъ въ это время довольно серьезны. Наконецъ является молодой братъ, или родственникъ жениха, схватываетъ три голушки на три конца очень большой деревянной вилки, сдѣланной изъ ствола, пустившаго три вѣтви, и начинаетъ пляску. Среди пляски онъ подсказываетъ къ молодой и говоритъ ей, показывая голушки на вилкѣ: „на, ѣшь, если желаешь, а то я самъ съѣмъ“; затѣмъ схватываетъ подарокъ новобрачной—полотенце, об-

вертываетъ имъ вилку, и вилку эту вмѣстѣ съ голушками прячетъ въ муку, или зерновой хлѣбъ, и пытая догадливость молодой хозяйки, такъ какъ ея долгъ—найти эту вилку. Та молодая, которая не можетъ отыскать эту вилку, обязана бываетъ выкупить ее. Деверья бываютъ не неумолимы, подкупаются не задорого, копѣекъ за 10—20. Затѣмъ новобрачныхъ открываютъ и пиръ возобновляется. Оставшись на единѣ, молодой показываетъ свою силу надъ женою, заставляя ее снимать съ себя обувь, въ которую кладутъ по серебряной монетѣ. На другой день бываетъ первое стряпаніе молодой въ новой семьѣ. Этотъ обрядъ называется обрядомъ новой воды. Всѣ кушанья готовятся съ водою, принесенною молодою. Къ рѣкѣ за водою ведетъ ее сестра ея мужа, которая и почерпаетъ ей воду, предоставляя самой нести, какъ бы передавая ей свою прежнюю обязанность. Но молодая трижды проливаетъ воду и почерпаетъ сама; неся воду, она на пути присядаетъ (дѣлая нѣчто подобное книксену), отдавая честь дорогѣ и потомъ также кланяется входу во дворъ. Когда молодая приготовитъ кушанья, то отецъ семьи совершаетъ моленіе; обращаясь къ двери, онъ говоритъ, что прежде они были сыты и довольны пищею, готовившеюся прежнею хозяйкою, пусть Господь дастъ теперь такъ же искусно готовить и новой хозяйкѣ. Принимаясь за кушанья, хозяинъ дома хвалитъ вкусъ ихъ, его примѣру слѣдуютъ всѣ вкушающіе, хотя иногда молодая на первый разъ приготовляетъ все очень не вкусно.

Болѣзни головы, спины, желудка, ногъ и т. п. чуваши приписываютъ дурному, или злomu дѣйствию умершихъ. Они говорятъ, что за больныя мѣста хваталъ такой-то, или такой-то умершій изъ родственниковъ. Отъ этого воззрѣнія происходитъ то, что чуваше лечатся большею частію заклинаніями, нашептываніями знахарей (юмзей), которые пользуются за это хорошими подарками. Юмзы обыкновенно совѣтуютъ умилостивлять злыхъ, или прогнѣвавшихся предковъ различными жертвоприношеніями. Но бываетъ и такъ, что чувашенинъ самъ берется раздѣлаться съ злымъ предкомъ. Заболитъ напр. у него спина отъ долгаго сгибанія надъ не посильною работою, а онъ говоритъ: „это меня хватилъ за спину дядя Петръ, вотъ подожди онъ, я съ нимъ раздѣлюсь“. Избравши потомъ удобное время, больной велитъ пожарче истопить печь, бросить на угли золу и когда остываются отъ жару только небольшіе угольки, то онъ, предва-

рительно распорядившись насчетъ запорки воротъ, насыплеть горячей золы по всему порогу, въ видѣ вала и, отворивши дверь, говоритъ: „вотъ дядя Петръ придетъ, обожжется золою и уже больше не покажетъ своего носа къ намъ“. Конечно, умершій дядя Петръ уже больше не посѣтитъ своихъ родныхъ, за то больной самъ отправляется къ умершимъ.

Погороны у чувашъ совершаются, можно сказать, вполне по язычески, разумѣется за исключеніемъ отпѣванія въ церкви, если умершій былъ крещеный. Когда умираетъ чувашевинъ, то родные его тотъ-часъ отрываютъ у курицы голову и бросаютъ ее черезъ заборъ на улицу и при этомъ, обращаясь къ умершему, говорятъ: „вотъ какъ курица легко перелетаетъ черезъ заборъ, такъ и ты перепрыгнешь черезъ адъ“. (Чуваши представляютъ адъ въ видѣ бездонной ямы, въ которой вѣчно мучатся грѣшники). Потомъ еще берутъ кусокъ хлѣба, отламываютъ отъ него нѣсколько маленькихъ кусочковъ и полагаютъ ихъ въ чашку съ водою. Черезъ нѣсколько времени относятъ чашку съ кусочками и водою собакамъ. Чуваши вѣрятъ, что когда чашка съ кусочками хлѣба стоитъ въ избѣ, то умершій будто бы пьетъ и ѣстъ изъ нея, поэтому будто бы хлѣбъ и вола, постоявши нѣкоторое время около умершаго, теряютъ свой вкусъ. При бросаніи этого хлѣба чувашаи говорятъ умершему, что онъ уже отдѣлился отъ нихъ и присоединился къ умершимъ, но не къ чужимъ, а къ своимъ. Тогда же родные просятъ умершихъ, особенно старшихъ, напр. дѣдовъ и прадѣдовъ, чтобы они приняли къ себѣ умершаго, кормили бы его и поили. Если умершій человекъ холостой, то родные просятъ умершихъ родныхъ, чтобы они женили его тамъ, если дѣвица, то выдали бы за мужа, когда имъ исполнятся года. Обмываютъ умершаго не колодезною водою, а непременно рѣчною. Чуваши не знаютъ, — почему необходимо обмывать умершаго рѣчною водою, но говорятъ, что такъ было заведено изстари. За этою рѣчною водою ходятъ трое: двѣ женщины и одинъ мужчина. Женщины берутъ котель съ порядочнымъ рычагомъ, везутъ его на плечахъ, а мужчина въ одну руку беретъ косарь, а въ другую сковороду, или старый топоръ, или же какую нибудь жестъ, напр. печную заслонку и ударяетъ объ это косаремъ, чрезъ каждые три шага, думая, что онъ этимъ звономъ прогоняетъ нечистаго

духа, живущаго въ рѣчной водѣ. Обмываютъ и одѣваютъ покойника исключительно женщины. Если покойникъ чело-вѣкъ взрослый, то женщина, обмывающая его, обвертываетъ свои руки тряпкой, или просто надѣваетъ варежки. Тѣло взрослога покойника считается нечистымъ и потому прикосновеніе къ нему считается грѣхомъ. Между тѣмъ мужи-ки, иногда еще при жизни избранные самимъ покойникомъ, дѣлають гробъ, который отъ русскихъ гробовъ отличается тѣмъ, что вмѣсто нижней доски кладутъ лубъ, перевитый веревкой или стелють кудель; внутренность обиваютъ хол-стомъ. Потомъ мужики идутъ на мазарки (кладбище) рыть могилу для умершаго. Здѣсь бросаютъ всѣмъ умершимъ, по-хороненнымъ на этомъ кладбищѣ, три куска хлѣба и про-сятъ, чтобъ они уступили мѣсто для могилы умершему и потомъ начинаютъ рыть могилу. Если они не попросятъ у умершихъ мѣста для могилы, то говорятъ, что умершіе не будутъ давать рыть могилу, отчего рытье могилы будетъ очень тяжело. Говорятъ еще, что умершіе не даютъ рыть могилу скрыначамъ.

Обмытаго покойника одѣваютъ какъ живаго въ лучшія праздничныя одежды: на красную или вообще на лучшую рубашку надѣваютъ черной кафтанъ, подносясываютъ куша-комъ, на ноги надѣваютъ сапоги или лапти новые, на го-лову надѣваютъ новую шапку, на руки перчатки,—такъ что еслибы взошелъ послѣ этого незнакомецъ и посмотрѣлъ на покойника, то онъ очень легко могъ бы подумать, что ле-жить живой челоуѣкъ. Всѣ узлы на покойникѣ завязываются подъ кривымъ узломъ, который у чувашъ нигдѣ больше не употребляется; онъ у нихъ такъ называется: „мертвый узелъ“. Подъ голову покойника кладутъ гребень и съ боку деньги, ножикъ, топоръ, кочедыкъ, трубку (если онъ курилъ табакъ), ножницы (если онъ былъ портной), но иголки не клали и не кладутъ въ гробъ, потому что будто бы тамъ проводятъ умершаго сквозь игольныя уши, если положить въ гробъ иголку. Чуваше не хоронятъ умершаго въ полу-шубкѣ, потому что если похоронить въ полушубкѣ, то тамъ заставятъ умершаго пересчитать всю шерсть въ его полу-шубкѣ. Старикамъ и старухамъ, ходившимъ съ палкою, кла-дутъ въ гробъ палку или костыль. Дѣвицы одѣваютъ въ нѣсколько самыхъ лучшихъ рубахъ и въ башмаки. Если онѣ носили на себѣ гдѣ нибудь серебро, или деньги, то это

кладется, или вѣшается на томъ самомъ мѣстѣ, напр. на лбу, на груди, на мизинцѣ, въ ухахъ.

Вообще чуваши одѣваютъ умершихъ самымъ наилучшимъ образомъ. Они говорятъ, будто за гробомъ ходятъ въ той самой одеждѣ, въ какой полагаютъ cadaго въ гробъ.

Когда покойника вполне приготовить, тогда отправляются за священникомъ. Послѣ отпѣванія, покойника выносятъ изъ избы на лыкахъ и остановившись около двери, трижды легонько касаются какого нибудь косяка, въ знакъ прощанія покойника съ домомъ. Слѣдующіе за гробомъ тоже дѣлаютъ руками. Вынесенный гробъ кладутъ на телѣгу и покрывъ его крышкою, садятся на него двое, а третій правитъ лошадыю—холстанными возжами, если покойникъ былъ женскаго рода. Щепки, оставшіеся отъ гроба, кладутъ на телѣгу же. Предъ отѣздомъ одна женщина втыкаетъ въ хомутъ иголку, а другая подойдя ко гробу, причитываетъ самымъ жалобнымъ и не пріятнымъ голосомъ. Это причитаніе называется издаваніемъ голоса. Она отъ лица умершаго говоритъ слѣдующее:

Сѣр сурăкнэ йѣп тухрѣ.

Ура тупанне тирѣвтѣ.

Ситѣ йутан самахѣ.

Тѣре сѣмне сивсантѣ и т. д.

Буквальный смыслъ этихъ стиховъ на русскомъ языкѣ представляетъ слѣдующую, почти полную бессмыслицу: „изъ трещины земли выдвинулась иголка и воткнулась въ пятку; слова ненавистниковъ вошли въ мое сердце“. Но въ этихъ словахъ заключается такого рода сравненіе: „слова ненавистниковъ произвели въ моемъ сердцѣ такую же боль сердечную, какая бываетъ въ пяткѣ, когда нечаянно наступишь на иголку, торчащую острымъ концемъ къверху“. Когда причитанія оканчиваются, тогда телѣга трогается и, какъ только покойникъ выѣдетъ изъ двора на улицу, такъ сейчасъ одна женщина, заранѣе приготовившая раскаленный камень, бросаетъ его подъ ноги лошади. Далѣе ѣдутъ безъ особенныхъ обрядовъ. Приѣхавши на кладбище, опускаютъ покойника въ могилу головой на востокъ. Когда могилу засыпаютъ землею, тогда обходятъ вокругъ могилы три раза, по движенію солнца. Во время cadaго обхода всякій беретъ горсть земли съ могилы и бросаетъ ее на могилу, говоря: „сйѣнти тапру самал пултар“, т. е. да будетъ легкая земля, находя-

щаяся надъ тобою. Послѣ трехъ обходовъ могилы, идутъ домой, не оглядываясь на мазарки, потому что, говорятъ, кто оглянется, у того скоро умереть въ домѣ кто нибудь. Похоронявшіе (когда они обмоются) приглашаются въ домъ родныхъ умершаго, гдѣ ихъ всѣхъ угощаютъ и одѣляютъ различными подарками: холстомъ, нитками, платками, а близкихъ и знатныхъ даже рубахами; богатые раздаютъ деньги, каждому по 20—30 коп. Когда гости выходятъ изъ того дома, гдѣ былъ ихъ покойникъ, то ихъ никто изъ хозяевъ не провожаетъ, иначе, будто бы, у нихъ въ домѣ кто нибудь умереть очень скоро. Крестъ, или просто столбъ, ставится на могилѣ, большею частію, во время 1-го поминанья, т. е. чрезъ мѣсяцъ послѣ погребенія.

О загробной жизни чуваша имѣютъ весьма смутное представленіе. По вѣрованію чувашъ покойникъ до поминокъ ходитъ домой и пугаетъ, являясь въ видѣ низкаго сѣдаго старика въ бѣлой одеждѣ, или въ видѣ высокаго человѣка въ черной одеждѣ. Больше всего покойникъ является къ тѣмъ, которыхъ онъ любилъ на землѣ, поэтому напр. умершій мужъ является къ женѣ, а умершая жена къ живому мужу. Чуваша вѣрятъ еще, что покойники причиняютъ болѣзни, если ихъ не кормятъ. Когда у кого нибудь заболитъ спина, или рука, или что нибудь другое, то говорятъ, что его ломалъ покойникъ, по любви къ нему, требуя отъ него пищи, и догадливый относитъ пищу своимъ роднымъ покойникамъ. Чуваша каждую недѣлю, въ пятницу, пекутъ для нихъ яйца, блины. Все это въ двухъ чашечкахъ подносится покойникамъ и вечеромъ выливается и выбрасывается на дворѣ, въ какой нибудь уголь, чтобы покойники ночью пришли и ѣли. Тоже дѣлаютъ послѣ того, когда посѣщаетъ покойникъ, чтобы онъ простилъ того человѣка, который его оскорбилъ.

Разсказываютъ, что Господь не принимаетъ къ себѣ покойника до поминокъ, и будтобы отдаетъ его въ руки ангеловъ, чтобы они показали ему всѣхъ его родственниковъ, умершихъ до него. Поэтому чуваша всегда хоронятъ покойника тамъ, гдѣ были погребены его родственники.

Чуваша говорятъ, что покойники на томъ свѣтѣ ходятъ въ той самой одеждѣ, въ какой положили ихъ во гробъ, и занимаются тѣмъ же, чѣмъ занимались на землѣ, т. е. пахутъ, косятъ, за скотиною ухаживаютъ и т. п. Поэтому, если кто любилъ плести лапти, то такому покойнику кладутъ вочедыкъ.

Про опившихся или удавившихся говорятъ, что ихъ земля не принимаетъ, поэтому они вѣчно ходятъ ночью по деревьямъ и дорогамъ, пугая странниковъ. Они ходятъ будто бы только до пѣнія пѣтуховъ. Еще говорятъ, что опившіеся и удавившіеся во время дождя выходятъ изъ могилъ, останавливаютъ тучи и разгоняютъ тучи.

Надъ могилой покойника ставятъ срубъ, который чуваши называютъ избенкой покойника и думаютъ, что покойникъ живетъ въ этой избенкѣ и въ загробной жизни. Чѣмъ кончится это житіе покойника въ тѣсной избенкѣ, чуваши не знаютъ. И вообще видно, что чувашаи очень заняты настоящимъ, мало обращали вниманіе на будущее и потому останавливались на самыхъ низкихъ эсхатологическихъ представленіяхъ, по которымъ будущая жизнь есть повтореніе настоящей, и потому нѣтъ непроходимой преграды между умершими и живыми, которые свято чтутъ своихъ предковъ и вообще членовъ своего рода и щедро угощаютъ отшедшихъ отъ этой жизни всѣмъ, чѣмъ богаты... Поминовенія составляютъ самую важнѣйшую часть въ чувашско-языческомъ культѣ, такъ что даже всѣ народные праздники чувашъ можно называть чествованіемъ предковъ. Можетъ быть къ чествованію предковъ можно свести и всѣ демонологическія вѣрованія чувашъ, такъ что все язычество чувашъ сведется къ почитанію предковъ и рода.

Подъ вліяніемъ христіанства у чувашъ явились нѣкоторыя сказанія объ иной загробной жизни, объ адѣ и раѣ.

По вѣрованію чувашъ симбирской губерніи, душу всякаго человѣка ожидаютъ два ангела и плачутъ. Дождавшись ея выхода изъ тѣла, они отлетаютъ съ ней на небо. Ангелы встрѣчаются съ діаволомъ, и начинаютъ спорить съ нимъ о томъ, кому болѣе изъ нихъ служилъ умершій при своей жизни на землѣ. На вѣсахъ правосудія разрѣшается этотъ споръ и душа или остается во власти ангеловъ и идетъ въ рай, или же переходитъ во власть діавола, въ тѣсное подземное мѣсто. Подземная темнота служитъ вмѣстилицемъ воды; въ водѣ находится большой котелъ, въ которомъ душа грѣшваго кипитъ вмѣстѣ съ другими грѣшными душами. По другому представленію, адъ имѣетъ видъ бездонной, или глубокой ямы, въ которую грѣшники попадаютъ сами. Когда человѣкъ умираетъ, тогда его, будто бы, заставляютъ перепрыгивать черезъ эту яму. Если онъ грѣшникъ, то не сможетъ перепрыгнуть, и упадетъ въ яму, гдѣ

будеть вѣчно горѣть; а кто мало грѣшенъ, тотъ перепрыгнетъ черезъ адъ и пойдетъ въ рай. Адскія мученія по вѣрованію чувашъ, будутъ не вѣчны, но какъ долго онѣ будутъ продолжаться, неизвѣстно. Когда, по прошествіи неопредѣленнаго времени, вода въ котлѣ вся выкипитъ, и мучившіяся души пристанутъ къ стѣнкамъ котла, въ подземелье спустятся ангелы, отскоблятъ души отъ стѣнокъ котла, придадутъ имъ надлежащій видъ и души въ обыкновенномъ видѣ уже будутъ жить вѣчно. Отъ кипяченія въ котлѣ, души станутъ меньше, чѣмъ онѣ были при жизни на землѣ. Это сказаніе о кипяченіи въ котлѣ, очевидно, уже позднѣйшаго происхожденія и потому оно далеко отъ обыкновеннаго представленія чувашами загробной жизни въ видѣ настоящей жизни, изъ которой между тѣмъ исходятъ почти всѣ чувашскія жертвоприношенія и въ особенности поминки, и наконецъ вѣрованіе въ живое, въ самое непосредственное общеніе умершихъ съ живущими на землѣ. У чувашъ есть еще вѣрованіе, что умершіе въ нѣкоторыхъ времена, напр. около пр. Троицы являются на землѣ и живутъ здѣсь на поляхъ, а потому мальчишки, пасущіе въ это время скотъ, когда захотятъ сѣсть на пень, то сначала постукаютъ по немъ чѣмъ нибудь, чтобы отогнать умершаго, сидящаго на пнѣ (М. Н.).

Святи. Н. Каменскій.

Содержаніе № 2-го.—1) Высочайшій Манифестъ съ указомъ Святейшаго Синода.—2) Распоряженія правительства.—3) Распоряженія епархіальнаго начальства.—4) Возобновленіе древняго храма св. Симона Канаanita въ Абхазіи.—5) Современные остатки языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у чувашъ.—9) Объявленія (въ особомъ приложеніи).

Печатать дозволяется. Ректоръ академіи, протоіерей А. Владимірскій.
 Казань, Университетская Типографія. 1879.